

ИНОГДА ЛЮБОВЬ
СТАНОВИТСЯ ТОЧКОЙ ОПОРЫ

Запас
ПРОЧНОСТИ

НОРА ЭЛЛИС

Нора Эллис

Запас прочности

<https://litres.ru/73989403>

SelfPub; 2026

Аннотация

Майя привыкла доверять только цифрам.

Она инженер-конструктор и знает: любое здание держится не на красивых эскизах, а на точных расчётах. Ошибки стоят дорого, поэтому Майя не любит рисковать — ни в работе, ни в жизни.

Адриан Смит привык создавать невозможное.

Известный архитектор, сложный клиент и человек, который постоянно требует невозможного от сроков, подрядчиков и самого себя.

Когда их сводит работа над масштабным проектом, Майя уверена, что им предстоит бесконечно спорить. Но чем больше времени они проводят вместе, решая проблемы, исправляя чужие ошибки и пытаясь удержать проект от провала, тем сложнее становится сохранять привычную дистанцию.

Иногда любовь приходит не через громкие признания.

Иногда она появляется в чашке кофе, привезённой по дороге на работу. В сообщении поздно ночью. В человеке, который остаётся рядом день за днём.

«Запас прочности» — спокойный роман о доверии, взрослом выборе и чувствах, которые растут постепенно, как надёжный фундамент будущего дома.

Содержание

Цикл «Точка опоры»	5
Основные тропы произведения	6
Глава 1. Первое совещание	7
Глава 2. В три часа ночи	23
Глава 3. Кофе с меня	29
Гла	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Нора Эллис

Запас прочности

«Запас прочности — это то, что остаётся, когда все расчёты сделаны правильно.» — из учебника по строительной механике.

Цикл «Точка опоры»

Истории о взрослых людях, которые привыкли рассчитывать только на себя. Они успешны в профессии, ответственны за свои решения и уверены, что способны справиться с любыми трудностями самостоятельно.

Но иногда даже самым сильным людям нужна поддержка. Человек, рядом с которым можно перестать нести всё в одиночку.

Каждая книга цикла рассказывает самостоятельную историю любви и может читаться отдельно.

«Запас прочности» — первая книга цикла.

Основные тропы произведения

коллеги → друзья → любовь

медленный роман (slow burn)

противоположности в подходе к жизни

совместная работа над проектом

он влюбляется первым

забота вместо громких слов

здоровые отношения

профессиональная героиня

вынужденное сотрудничество

found family (в зачатке, как основа серии)

уютный роман

взрослая любовь (30+)

Глава 1. Первое совещание

Будильник завибрировал в 5:45 — короткий, сухой звук, от которого я дернулась, но глаза открывать не стала. Пару секунд просто лежала, вслушиваясь: холодильник гудел, нагоняя температуру, а соседи сверху начали утреннюю перепалку. Глухой стук стула о паркет, чей-то голос, резкий ответ. Я сбросила одеяло, села на краю кровати, ощущая подошвами прохладу пола.

На кухне темно. Экран телефона мигнул — пропущенный вызов от мамы, вчера в 22:14. Я убрала телефон в карман и щёлкнула тумблером кофемашины. Щербатая кружка, банка с молотым кофе, контейнер с овсянкой, обмотанный пищевой пленкой.

Овсянка в воскресенье казалась хорошей идеей. Сейчас — просто сухая масса, которую надо прожевать, чтобы дожить до обеда. Я включила ноутбук прямо на столе, подвинув в сторону пачку бумаг.

Отчет по объекту на севере. Уточнения по смете. Рассылка от архитектурного отдела по «Блэквуду».

Щелкнула по последнему. Тема: *«Правки по несущим конструкциям»*. Перечитала вводную, нахмурилась и поправила очки, которые снова съехали на нос.

Архитектурная группа по «Блэквуду» снова прислала рас-

четы, которые противоречили элементарной физике. Я открыла рабочее окно, вбила значения в таблицу — ячейка с коэффициентом нагрузки мгновенно окрасилась в красный.

Снова.

Между лопаток неприятно заныло — шея затекла еще со вчерашнего вечера. Если они не пересмотрят сечение балок, на объекте будет катастрофа, а разгрести её придется мне. Я потеряла переносицу и принялась пересчитывать углы наклона.

На работу опоздала на четыре минуты. Светофор у проспекта опять завис на желтом, превращая утро в бесконечную очередь из машин.

— Опять ты за свою статистику? — Марк даже не поздоровался, когда я, сбросив куртку на стул, подошла к столу. Он прошел мимо, на ходу вытягивая степлер с моего края.

— Майя, брось. Здание либо стоит, либо падает. Твои коэффициенты мало что меняют в реальности.

Я не подняла голову.

— Сходи к окулисту, Марк. Может, тогда увидишь трещину в четвертой колонне, пока она не поползла дальше по всему фасаду.

Марк хмыкнул.

— Кстати, слышала, кто будет на «Блэквуде»? Смит. Адриан Смит. — Он притормозил, явно ожидая реакции. — Смит вообще сложный тип. Он не из наших, если что, — добавил Марк, понизив голос. — У него своя студия и свои

инвесторы. «Блэквуд» вообще держится на нём. Но работает он теперь через «Морган». После той истории два года назад ему проще приходиться с проектами сюда, чем поднимать всё самому. — закончил он и скрылся в коридоре.

Я не спросила, что за история. Мне нужно было дочитать расчёты.

Я работала инженером-конструктором уже третий год и давно поняла: архитекторы любят красивые рендеры, подрядчики — быстрые сроки, а разгребать последствия обычно приходится тем, кто считает нагрузки.

Я привычно отгородилась от офисного шума.

Инженерный отдел занимал общий open space у окон — длинные столы, перегородки из матового стекла и вечный шум принтеров. Архитекторы сидели дальше по коридору, за стеклянными кабинетами. Большинство из них я знала только по фамилиям в письмах. Вживую мы почти не пересекались.

Я знала, как меня здесь воспринимают: неудобная, придирчивая, слишком внимательная к цифрам. С людьми вроде меня не особенно хотят работать, пока не появляется проект, который действительно может рухнуть.

В почте всплыло уведомление:

«Майя, в 14:00 совещание по проекту Блэквуд. Присутствие обязательно. Будут архитекторы».

Я зависла курсором над названием. «Блэквуд». Какая-то масштабная стройка, которая вечно висела в новостях как

«проект года». Я не стала проверять, кто там главный. Если там опять стеклянная коробка без нормальной нагрузки, я кого-нибудь убью.

Файл проекта весил почти два гигабайта. Система зависла, кулеры ноутбука завывали.

— Господи, — пробормотала я, чувствуя, как начинают жечь глаза. — Что вы там такое нарисовали?

Кружка на столе была пуста. Я встала, чувствуя, как гудят после утренней пробки ноги, и поплелась к кофемашине. В коридоре пахло пылью и чьим-то дешевым одеколоном. Впереди была длинная, душная половина дня, и единственный мой план на ближайшие часы — не дать этим архитекторам залить бетон там, где всё рухнет через месяц.

До совещания оставалось два часа. Я успела допилить расчеты по северному объекту — там всё равно всё поплывет, но хотя бы цифры в отчете выглядели прилично. Снова заварила кофе. Около половины первого в офис зашел Марк. Он выглядел так, будто только что выиграл в лотерею: прилизанные волосы, помятый пиджак, в руках — папка с логотипом «Блэквуд».

— Слышала? — он остановился у моего стола, перекрывая свет от окна. — Архитекторы уже приехали. И Смит тоже.

Последние недели его имя в офисе звучало слишком часто. Смит почти не появлялся на этаже, но дальний кабинет рядом с большой переговорной теперь постоянно был занят

— свет там горел даже поздно вечером.

— И? — я выделила колонку в Excel. — Мне от этого быстрее считается? — может звучало слегка резковато, я решила смягчить свою фразу улыбкой.

— Нет, просто... — Марк замялся, оглядываясь, и, видимо, моя улыбка вышла не такой как я хотела — Говорят, он псих. Требуется сдачи не через месяц, а через две недели. И смету хочет пересмотреть прямо сегодня, на совещании.

— Пусть требует, — я сохранила файл и закрыла ноутбук. — У нас есть нормативы. Если он хочет играть в «успеть за две недели», пусть идет к подрядчикам, которые кладут бетон прямо в снег. Я под этим не подпишусь.

Марк хмыкнул, явно разочарованный моей реакцией. Ему хотелось сплетен, драматизма, обсуждения того, насколько «этот Смит» крут, а я была просто Майей, которой нужно, чтобы здание не развалилось.

Я проверила почту еще раз. Никаких правок. Значит, пойдем с тем, что есть.

В 13:58 пришло уведомление о переносе материалов в зал совещаний. Я встала, разминая затекшую спину. В зале, скорее всего, будет душно, а кондиционер снова настроят на «арктический холод», чтобы техника не перегревалась. Я накинула легкий кардиган — единственный предмет гардероба, который я держала на спинке стула специально для таких случаев — и взяла папку.

Секретарь отдела, молодая девушка, которая обычно из-

бегала смотреть мне в глаза, сегодня выглядела подозрительно оживленной.

— Архитектор уже там, — сказала она, не отрываясь от монитора. — Тот самый из Блэквуда. Говорят, он... ну, в общем, лучше не опаздывать.

— Я и не опаздываю, — отрезала я, глядя на часы. 13:59.

Я пошла по коридору, стараясь ступать тихо, хотя каблукки предательски цокали по керамограниту. В голове вертелись цифры нагрузок на пятую колонну. Если Смит начнет давить на сроки, я выложу ему всё как есть: без метафор, без вежливости, просто факты. Если он хочет быстрый проект, пусть строит карточный домик, а не жилой комплекс.

Толкнула дверь в переговорную.

Внутри было пусто — если не считать длинного стола, заваленного рулонами чертежей так, что половина из них уже сползла на пол, и высокого мужчины, который стоял у окна спиной к двери. Он разговаривал по телефону, придерживая трубку плечом, и что-то быстро правил карандашом на листе бумаги, лежащем поверх рулона. Рука двигалась уверенно, коротко — не раздумывая над каждым штрихом.

— Нет, не до завтра. Мне нужно это сегодня, — сказал он, даже не обернувшись на звук открывшейся двери. — Если экспертиза будет упираться, скажи им, что я лично подпишу все риски.

Я замерла на пороге.

— Риски он подпишет, — вполголоса буркнула я, пере-

хватывая папку поудобнее. — Ну-ну.

Мужчина у окна умолк. Медленно обернулся.

В переговорной повисла тишина, нарушаемая только монотонным гулом вентиляции и отдалённым звоном телефона где-то в коридоре.

Он выглядел так, будто последние сутки жил в этой переговорной. Растрёпанные волосы, закатанные рукава, пятно грифеля на пальце — всё это кричало об абсолютном пренебрежении к офисному дресс-коду. Он смотрел на меня так, будто я была лишним элементом в уравнении, которое он пытался решить прямо сейчас, у окна с видом на серое ноябрьское небо.

— Экспертиза? — спросил он. Голос оказался глубже, чем я ожидала — спокойный, без той показной резкости, с которой он только что разговаривал по телефону.

Я вошла в комнату, стараясь, чтобы шаги звучали максимально уверенно.

— Инженерный отдел, — поправила я, проходя к столу и опуская папку на поверхность. Громкий стук картона о полированное дерево отозвался эхом в пустой комнате.

— Майя?

Не “очень приятно познакомиться”, не попытка улыбнуться. Просто уточнил, будто сверял что-то у себя в голове.

— Да.

Он подошел ближе к столу и наконец убрал телефон в карман.

— Адриан Смит.

Значит, это и был тот самый Смит.

Я вытащила распечатки с пометками — листы, которые успела исчеркать ещё с утра.

— У вас проблемы с нагрузкой на консольный вылет. И если это сейчас не пересчитать, потом проблемы будут уже у всех остальных.

Он взял листы, быстро пробежался глазами.

— Мы уже обсуждали это с подрядчиком.

— Тогда подрядчик либо вас не слушал, либо не открывал расчеты.

Он поднял на меня взгляд. Без раздражения — скорее устало.

— Вы всегда так разговариваете?

— Только когда вижу плохие цифры.

Уголок его рта дёрнулся, но почти сразу лицо снова стало обычным.

За дверью послышались голоса — кажется, начали подтягиваться инвесторы, судя по тому, как изменился общий тон коридора: стал громче и немного напряжённее.

Адриан перелистнул ещё страницу.

— Здесь не хватает климатического отчёта.

— Потому что мне его не прислали.

— Странно.

Я промолчала.

Он отложил бумаги на стол и посмотрел на меня — не

пренебрежительно, просто оценивающе, как смотрят на схему, которую только что увидели первый раз.

— Ладно. Давайте так. Вы показываете, где именно у вас не сходится нагрузка, а я объясняю, почему проект не получится переделать за сутки. — сказал он со вздохом. Но это уже шаг, а не упрямство.

— Если он рухнет, — сказала я, глядя на него, — вам тоже понадобится больше суток. — мне важно донести свою позицию.

— Обычно люди хотя бы делают вид, что рады знакомству, — усмехнулся он, коротко, будто случайно.

— Обычно мне не приносят проект на два гигабайта с ошибками в расчётах.

Он смотрел на меня секунду — потом что-то в лице изменилось, не сильно, — и я поняла, что он засчитал это как ничью.

В переговорную начали заходить люди. Кто-то поставил на стол ещё кофе, кто-то зашуршал бумагами, от кондиционера снова потянуло холодом. Один из инвесторов влетел, уже разговаривая по телефону и не прерывая разговора, жестом указав всем оставаться на месте.

Совещание началось с опозданием на семь минут.

Один из инвесторов долго подключался к видеозвонку — его помощник наклонялся к ноутбуку, что-то нажимал, разводил руками, нажимал снова. Второй требовал распеча-

танную смету, хотя её отправляли ещё вчера вечером — он утверждал, что не получил, хотя письмо лежало у него во входящих, я видела это по тому, как он в итоге достал телефон и нашёл его за двадцать секунд. Кто-то открыл окно, но почти сразу закрыл обратно — с улицы тянуло сыростью после дождя и выхлопными газами с проспекта.

Адриан стоял у доски и листал чертежи с такой скоростью, будто уже знал их наизусть. Он не участвовал в суете вокруг видеозвонка и не реагировал на инвестора со сметой. Просто листал. Потом взял маркер и поставил крестик у одного из узлов — без объяснений, для себя.

Я открыла ноутбук и вывела расчёты по нагрузкам.

— Начнем с консольного блока на северной стороне, — сказала я. — Там превышение почти на двенадцать процентов.

— На десять, — поправил Адриан, не отрываясь от бумаг.

— На двенадцать и три, если учитывать снеговую нагрузку за последние пять лет, а не усредненную.

Он наконец поднял голову.

— Мы не проектируем бункер.

— Зато, надеюсь, проектируем здание, в которое людей заселят живыми.

Инвесторы переглянулись.

Кто-то нервно кашлянул. Тот, что только что нашёл смету на телефоне, вдруг очень заинтересовался содержимым своей кружки.

Адриан взял со стола карандаш и подошёл ближе к экрану ноутбука.

— Покажите.

Я развернула таблицу к нему.

Он наклонился, упираясь ладонью в стол рядом с клавиатурой. От него пахло кофе и улицей — видимо, успел выйти до начала. Расстояние между нами было рабочим: достаточно близко, чтобы смотреть в один экран, достаточно далеко, чтобы это не требовало никаких объяснений.

— Здесь, — я ткнула пальцем в строку. — У вас нагрузка распределяется неравномерно после перепада температур.

— Потому что климатический коэффициент стоит старый.

— Потому что мне прислали старый отчёт.

Он коротко выдохнул через нос.

— Хорошо. Это моя ошибка.

Без паузы. Без спора. Просто сказал.

Я даже на секунду зависла. Обычно архитекторы начинали спорить до последнего, даже если у них плита буквально висела в воздухе на честном слове и красивом рендере.

Адриан выпрямился и повернулся к инвесторам.

— Пересчет займет сутки.

— Сутки? — сразу напрягся один из них, тот, что с видеозвонком — он наконец подключился и теперь смотрел на экран ноутбука с видом человека, который не уверен, что происходит, но точно недоволен. — Мы и так выбиваемся

из графика.

— Тогда убирайте половину панорамных окон, — спокойно ответила я. — И проблема уйдёт сама.

Мужчина недовольно посмотрел сначала на меня, потом на Адриана.

Тот промолчал. Только начал крутить карандаш между пальцами — быстро, почти механически.

— Окна не убираем, — сказал он спустя пару секунд. — Пересчитываем нагрузку.

Я перевела взгляд на него.

Он уже снова смотрел в бумаги. Не на меня. На конкретную строчку в схеме, которую, судя по лёгкому движению карандаша в пальцах, собирался исправить, как только уйдут инвесторы.

Следующие сорок минут прошли в цифрах, схемах и бесконечных уточнениях. Несколько раз мы спорили — коротко, без повышенных тонов. Остальные либо молчали, либо задавали вопросы не по существу, которые мы оба игнорировали с одинаково нейтральным выражением лица.

— У вас здесь пустой узел.

— Потому что подрядчик должен был усилить его металлом.

— «Должен был» — плохой инженерный термин.

— Согласен.

И дальше.

Постепенно комната начала пустеть. Инвесторы ушли на

звонки, кто-то из архитекторов выскользнул за кофе и не вернулся, секретарь забрала лишние папки со стола, прихватив заодно пустые стаканы — тихо, стараясь не мешать.

Остались только мы, чертежи и гул кондиционера.

Я пересчитывала нагрузку на крайний блок, когда Адриан подвинул ко мне стакан с кофе. Поставил рядом с клавиатурой, не глядя на меня.

— Я заметил, нормальный здесь делают только на первом этаже, — сказал он, продолжая смотреть в бумаги.

Я машинально взяла стакан. Кофе на нашем этаже был ужасным — из той машины, которую купили три года назад и с тех пор не чистили, судя по вкусу, — но каждый раз идти на первый было отдельным приключением: лифт, очередь, потом ещё обратно с горячим стаканом. Я обычно просто терпела.

— Это попытка подкупа? — я не улыбнулась, но голос звучал мягче.

— Это попытка закончить проект раньше зимы.

Я сделала глоток. Кофе был хорошим — он всё-таки спустился на первый этаж.

— Ладно, — сказала я, возвращаясь к расчётам. — Тогда открывайте климатический отчёт полностью. У вас там половина данных закрыта.

Он потянулся за ноутбуком.

— Потому что подрядчик не хотел пересчитывать фундамент.

— Теперь придется.

— Уже понял.

К шести вечера офис почти опустел.

За стеклом переговорной то и дело кто-то проходил по коридору — торопливые силуэты с сумками, куртки на руке, — но внутрь больше не заходили. На столе вперемешку лежали распечатки, карандаши, пустые стаканы из-под кофе, смятые стикеры с цифрами и один чей-то забытый маркер без колпачка.

Я сидела, поджав под себя одну ногу, и пересчитывала узел крепления на северной стороне. Поза была совершенно нерабочей, но после стольких часов за столом что-то надо было менять. Глаза уже начинали болеть от экрана.

Адриан стоял у доски и что-то быстро правил в чертеже. Пиджак он так и не надел — тот по-прежнему висел на спинке стула. Рукава рубашки были закатаны неровно, будто он несколько раз пытался поправить их и бросал на полпути. На левом манжете расстегнулась пуговица.

— Если сместить опору на тридцать сантиметров, нагрузка уйдёт сюда, — сказал он, не оборачиваясь. Он нарисовал стрелку и постучал по ней карандашом.

Я посмотрела на схему.

— Тогда придётся переделывать половину фасада.

— Знаю.

— Инвесторы вас съедят.

— Они меня и так скоро съедят.

Я хмыкнула и снова перевела взгляд в ноутбук. Несколько секунд слышно было только, как гудит кондиционер, стучат клавиши и изредка шуршит бумага, когда он перекладывает листы.

— Вы всегда работаете в таком режиме? — спросил он вдруг.

Вопрос прозвучал почти машинально, будто он сам не собирался его задавать.

— В каком?

— В том, где люди пишут письма в шесть утра. — Он припомнил мои правки, отправленные утром из дома.

— Это было не письмо. Это был отчёт.

— Разница небольшая.

— Для меня большая.

Он кивнул, будто принял это к сведению, и снова вернулся к чертежу. Я не стала объяснять, почему именно. Это было бы слишком длинно для конца рабочего дня.

За окном окончательно стемнело. Свет в соседнем кабинете погас, и переговорная осталась отражаться в стекле — отдельная светлая коробочка посреди тёмного этажа.

Я сохранила последнюю версию файла и закрыла ноутбук.

— Всё, — сказала я. — В таком виде экспертиза пропустит проект.

Адриан посмотрел на распечатки перед собой, потом откинулся на спинку стула — впервые за несколько часов пол-

ностью, не наполовину.

Несколько секунд просто молчал.

— Значит, сегодня ничего не рухнет, — сказал он наконец.

— Сегодня — нет.

Он взял карандаш со стола и машинально покрутил его между пальцами. Положил обратно.

— Спасибо.

Сказал спокойно, без привычной колкости. Просто сказал.

Я надела кардиган и закинула сумку на плечо. Кардиган оказался чуть влажным у воротника — видимо, кондиционер всё-таки поработал на полную.

— До завтра, Смит.

— До завтра, Майя.

Я вышла в пустой коридор, и только там поняла, насколько тихо стало в офисе. Даже принтеры замолчали.

Ноги гудели после целого дня за столом. Хотелось снять очки, закрыть глаза хотя бы на десять минут и не смотреть ни на один чертёж до утра. Я поправила дужку и нажала кнопку лифта.

Лифт ехал медленно. Пока ждала, телефон завибрировал — уведомление по «Блэквуду». Я посмотрела на экран несколько секунд, потом убрала телефон обратно в карман.

До утра оно точно подождёт.

Глава 2. В три часа ночи

Будильник прозвенел в 5:45. В этот раз я не просто дёрнулась, а открыла глаза почти сразу. Потолок в полумраке был таким же, как вчера, но чувство «начала вторника» сменилось смутным ощущением, что сегодня всё пойдёт иначе.

Соседи сверху снова двигали мебель. В пять утра. Глухой стук — методичный, будто они переставляли что-то тяжёлое и не могли найти нужное место. Вчера это меня раздражало. Сегодня я просто подумала, что если они не подложат под ножки стула войлок, через пару месяцев у них там пойдёт трещина по перекрытию. Профессиональная деформация — это когда ты не можешь просто ненавидеть людей, ты начинаешь их технически оценивать.

Я встала, накинула домашнюю кофту, которую всегда вешала на спинку кресла у окна, и прошла на кухню. Заварила кофе. На столе лежал блокнот с вечерними заметками — я привычно сдвинула его в сторону, освобождая место для кружки, и открыла ноутбук.

Когда я открыла почту, взгляд первым делом зацепился за папку «Блэквуд». Адриан прислал правки в три часа ночи.

«Майя, посмотрите узел примыкания кровли. Кажется, я нашел способ снизить нагрузку, не убирая остекление».

Три часа ночи. Значит, он не спал.

Я отпила кофе и открыла файл. Раздражение, которое я

ожидала почувствовать — за то, что кто-то снова врывается в моё утро до того, как я успела до конца проснуться, — не пришло. Вместо него появилось странное, почти азартное любопытство. Он действительно нашёл решение. Красивое, технически сложное, но рабочее. Я открыла параллельно свою таблицу и начала проверять.

Я ещё не успела доехать до работы, а уже вертела этот узел в голове.

В офисе было тихо. Я пришла чуть раньше, чтобы успеть до разгара звонков: утром до десяти в отделе почти никого нет, принтер молчит, и можно думать нормально. Марк, проходя мимо, даже не кивнул, погружённый в свои проблемы с подрядчиками, что было совершенно мне на руку. Я открыла чертёж, увеличила масштаб и принялась проверять его расчёты.

В десять утра на экране всплыло уведомление: *«Входящий звонок: Адриан Смит»*.

Я нажала *«Принять»*, потянулась за ручкой и приготовилась записывать.

— У вас есть минута? — спросил он.

Голос звучал так, будто он только что проснулся или, наоборот, не спал вовсе.

— Говорите, Смит.

— Вы посмотрели файл?

— Смотрю прямо сейчас.

— И?

— И вы решили проблему с температурным расширением за счет гибкой связи, — сказала я, не отрываясь от монитора. — Но вы не посчитали момент инерции самого крепежа. Если мы используем эту сталь, при сильном ветре нас начнет вибрировать.

На том конце трубки повисла пауза. Я отчётливо представила, как он сейчас трёт переносицу, глядя в свои мониторы. Или смотрит в потолок. Или стоит у окна — он, судя по тому, что успела заметить вчера, думает лучше стоя.

— Чёрт, — сказал он. Не попытка спорить. Разочарование человека, который надеялся сэкономить время и наткнулся на стену. — Я не могу переделывать это ещё раз. Инвесторы ждут отчёт к полудню.

— Значит, делайте вид, что я этого не заметила, — ответила я, чувствуя, как внутри привычно закипает рабочее упрямство. — Или давайте думать, как укрепить крепление без замены стали.

— Вы сейчас серьёзно? — переспросил Адриан.

— Да.

Секундная пауза. Я не стала её заполнять.

— Хорошо. Давайте думать.

Мы потратили следующие двадцать минут на крепёж. Я говорила, он молчал или задавал короткие точные вопросы — без лишних слов, без попыток переключить тему на сроки. Где-то в середине я поняла, что мы уже не спорим, а просто работаем.

— Попробуйте ребро жёсткости вдоль оси, — сказала я наконец. — Прибавит двадцать килограмм к узлу, но вибрацию уберёт.

— Двадцать килограмм я переживу, — ответил он, и в голосе было что-то, похожее на облегчение.

Я положила трубку. Телефон погас. В кабинете стало подозрительно тихо — только гул системного блока за спиной. Я посмотрела на монитор, потом на кружку, которая успела остыть, пока мы разговаривали, и внезапно поняла, что у меня снова ноет шея. Такое ощущение, что она окаменела где-то в районе третьего позвонка ещё со вчерашнего вечера и с тех пор не размялась ни разу.

Рабочий день тянулся долго. К середине недели я обычно чувствовала себя так, будто отработала целую неделю, а впереди ещё половина. Принтер в какой-то момент завис и начал печатать одно и то же письмо снова и снова — пока кто-то наконец не дошёл до него и не выдернул бумагу. В обед я спустилась в кофейню вниз и взяла сэндвич, который оказался на вкус как картон с претензией на авокадо.

Телефон завибрировал. Крис прислала войс на сорок секунд, из которого я разобрала только «...он опять забыл, что у меня дедлайн, и я чуть не убила его прямо в переговорной» и смеющийся смайл в конце. Я написала: «Выжила?» Она ответила мгновенно: «Пока да. Ужин в пятницу?» От меня — «Да.»

Я убрала телефон и доела сэндвич. Люди вокруг куда-то спешили, смеялись, обсуждали планы на вечер. Казалось, они живут в другом ритме, где нет чертежей, «Блэквуда» и бесконечных правок.

Вечером, когда я наконец закрыла крышку ноутбука, сил оставалось только на то, чтобы доехать до дома.

Вечером, когда я наконец закрыла крышку ноутбука, сил оставалось ровно на то, чтобы доехать до дома.

В прихожей я включила свет, поставила сумку на полку и сняла кроссовки, поставила аккуратно, носок к носку, как всегда. Прошла в ванную. Горячая вода — это было единственное, о чём я мечтала последние три часа. Набрала ванну, насыпала пены — лавандовой, из маленькой стеклянной баночки, которую держала на полке над краном — и налила вина в бокал, который стоял там же, чистый, со вчерашнего вечера. Сползла в воду и почувствовала, как мышцы наконец начинают отпускать. Сначала плечи. Потом шея.

Голова постепенно пустела. Никаких балок, никаких коэффициентов, никаких «вы сейчас серьёзно». Только пар, тихий запах лаванды и звук воды, которая изредка плескалась, когда я двигалась.

Я вспомнила, как Адриан молчал в трубку после моего замечания про сталь. Просто взял паузу — не чтобы собраться с контраргументами, а чтобы подумать. Это меня немного сбивало. С теми, кто не спорит до последнего, сложнее — непонятно, куда упираться, и начинаешь упираться в воздух.

За стеной снова что-то зашумело у соседей — не стук, на этот раз просто голоса, неразборчиво. Потом тихо.

Вода начала остывать. Я выдернула пробку, выбралась из ванны, завернулась в полотенце. Повесила его на крючок сушиться и пошла спать.

Глава 3. Кофе с меня

В четверг утром я проснулась без будильника. За окном было серо, моросил мелкий, почти прозрачный дождь. В почте — пусто. Никаких «архитектурных прозрений» в три часа ночи. Видимо, Адриан решил дать мне выспаться или был занят чем-то другим.

Я сварила кофе, съела тост, убрала тарелку в мойку и поехала на работу.

На работе день начался с привычной чехарды. Марк снова что-то искал — на этот раз степлер, который он сам же унёс вчера — и методично переворачивал всё на соседних столах. Кондиционер в отделе окончательно сломался: техник приходил, смотрел, качал головой и уходил, ничего не сделав. В кабинете стоял тяжёлый, спёртый воздух, который к обеду становился только гуще.

Я сидела за столом, пытаюсь дописать отчёт, когда на телефон пришло сообщение с незнакомого номера:

«Я на стройке. Тут ветер такой, что сносит каски. Пришлите обновленный узел, пока меня не сдуло».

Я набрала номер.

— Смит?

— Майя, — голос звучал глухо, с фоновым гулом — шум работающей техники, ветер, чьи-то крики на дальнем плане, что-то металлическое. — Вы прислали расчёты?

— Я их ещё не закончила. Сначала объясните, почему вы там? Где прораб?

— Прораб внизу, пьёт чай с инвесторами. — Он хмыкнул, и я почти услышала, как он делает это — без улыбки, просто коротко. — А я хочу увидеть всё своими глазами. Здесь всё иначе, чем на чертежах.

— На чертежах всё должно быть как на объекте. Иначе зачем мы их вообще рисуем?

— Не начинайте. Просто пришлите файл. Мне нужно знать, стоит ли продолжать заливку или сворачиваться, пока не начался ливень.

Я положила трубку и открыла нужную папку. Работать в таком темпе было раздражающе — он постоянно дёргал меня, заставляя переключаться с одной задачи на другую, и каждый раз это стоило минут пятнадцать, пока снова не войдёшь в поток. Но, честно говоря, это было куда интереснее, чем переключать бумажки из одной стопки в другую и смотреть, как Марк ищет степлер.

Через час он позвонил снова.

— Файл получил, — сказал он, уже без насмешки, скорее сосредоточенно — тот же голос, что бывал у него в конце долгого совещания, когда инвесторы уходили и оставалась только работа. — Но тут проблема с подъездом техники. У вас в расчётах плита стоит впритык к краю, а по факту там на метр меньше места. Кран просто не встанет.

— Это не ко мне, это к геодезистам, — я потёрла перенос-

сицу. — У меня в исходниках было другое расстояние.

— Значит, геодезисты ошиблись. Что делать?

Я замолчала, глядя на монитор. За окном офиса проехала машина, на секунду перекрыв шум принтера.

— Пересчитывайте вынос, — сказала я через минуту. — Если кран не проходит, сделайте перестановку оборудования. Я не могу подвинуть вашу плиту в пространстве, если вы уже вырыли котлован.

— Я не хочу менять план.

— Тогда вам придётся вешать кран в воздухе.

Он рассмеялся — отрывисто, коротко. Не вежливо, а по-настоящему, будто его это действительно развлекло.

— Иногда мне кажется, что вы специально делаете всё, чтобы мне было сложнее.

— Я просто следую правилам. Гравитация — это не рекомендация, Смит, это норматив. Если хотите её нарушить — я не ваш союзник.

— Ладно. — Он вздохнул. Слышно было, как он идёт по щебню или битому кирпичу — характерный хруст под ногами. — Завтра приеду в офис. Обсудим на месте.

— Надеюсь, с нормальным кофе, — добавила я, сама не зная зачем. Просто вырвалось.

— С меня кофе, — сказал он.

Связь прервалась. Я посмотрела на телефон секунду, потом положила его на стол. В офисе снова начался шум — кто-то громко обсуждал отчёты у принтера, кто-то спорил

по телефону насчёт сроков, Марк нашёл наконец степлер и теперь степлировал что-то с видом победителя. Я глубоко вдохнула и снова уставилась в монитор.

День продолжался.

В пятницу утром я пришла раньше обычного.

В офисе пахло остывшим кофе и той специфической смесью бумаги и пластика, которая бывает только в помещениях, где много людей проводят много времени. Из-за сломанного кондиционера воздух был неподвижным уже с утра. Я включила компьютер, повесила куртку на крючок, а не на спинку стула — так она не мялась, — открыла почту. Адриан не писал с четверга.

В десять дверь в отдел открылась.

Смит вошёл без предупреждения, как будто это был его собственный офис и он просто возвращался после обеда. В руках — бумажный стакан из кофейни через дорогу, пиджак переброшен через плечо, галстука никакого. Тот же немного измотанный вид, который я уже начала считать его рабочим состоянием.

Он прошёл мимо столов, мимо Марка, который покосился на него с нескрываемым любопытством, и остановился у моего края. Поставил стакан прямо на край стола — аккуратно, без стука.

— Не успел остыть.

Я взяла стакан. Он был горячим, обжигал пальцы через

картон.

— Спасибо.

Адриан не ушёл. Он присел на край соседнего стола, который пустовал, и устроился там с видом человека, у которого нет никаких срочных дел — хотя я была достаточно уверена, что это не так. Его ботинки, покрытые тонким слоем засохшей строительной пыли, на офисном ковролине выглядели как деталь из другого кадра.

— Геодезисты были правы, — сказал он, глядя в потолок. — Там действительно ошибка в разметке. Пришлось пересчитывать вынос прямо на месте, под дождём.

— Надеюсь, вы не промокли до костей, — я сделала глоток. Кофе был крепким, почти горьким, с тем характерным послевкусием правильной обжарки. Именно то, что нужно в пятницу утром.

— Промок. Кран всё-таки поставили, но с ювелирной точностью, которую я раньше видел только в чертежах.

Он замолчал. Обвёл взглядом мой рабочий стол — блокнот, два монитора, стакан с ручками, стопка папок по левому краю. Никаких сувениров, никаких фотографий в рамках. Только то, что нужно для работы, и всё на своих местах.

— Вы здесь всегда такая... стерильная? — спросил он, кивнув на порядок.

— Мне не нужно много вещей, чтобы работать, — ответила я, открывая файл с вчерашними поправками. — Вы пришли только для того, чтобы оценить мой стол?

— Я пришёл обсудить, что мы будем делать, когда этот кран начнёт давать усадку на плиту. Я пересчитал веса, но мне нужно ваше подтверждение.

Я подвинула к нему стул. Адриан перестал изображать ленивое любопытство, подобрался и наклонился к экрану — быстро, как человек, который умеет переключаться. В офисе вокруг зашумели — кто-то включил принтер, зазвонил чей-то телефон, Марк что-то спросил у соседа, но мы этого, кажется, не слышали.

Он указывал на схему, я отмечала точки нагрузки. В какой-то момент он потянулся к мышке и коснулся моей руки — тут же одёрнул пальцы.

— Извините, — коротко сказал он.

— Ничего. Просто добейте расчёт.

Я не стала думать о том, как это выглядело. Просто убрала руку чуть в сторону и переключилась обратно на таблицу.

Мы просидели так ещё полчаса. Адриан не давил и не пытался торговаться с цифрами — он спорил по существу и соглашался, когда я показывала ошибку. Это было непривычно в хорошем смысле: большинство людей, с которыми я работала, соглашались только когда уже некуда было деваться.

К середине утра он встал, потянулся, разминая плечи, и тяжело выдохнул.

— Мне нужно вернуться на объект. Там заливка через два часа.

— Удачи, — я откинулась на спинку стула.

Он уже пошёл к выходу, но у двери остановился и обернулся.

— Майя.

— Да?

— Если мы закончим этот узел до конца недели — привезу нормальный кофе из той лавки, где его варят, а не эту горечь.

— Идёт, — ответила я.

Он вышел. Марк немедленно нашёл повод пройти мимо моего стола.

— Он тебе кофе принёс, — заметил он, как будто сообщал важную новость.

— Я заметила.

— Просто так?

— По делу.

Марк хмыкнул и прошёл дальше с видом человека, у которого появились версии.

Пятница прошла в режиме форсажа.

Адриан уехал на стройку, но не исчез — он стал голосом в телефоне и уведомлениями в почте, которые приходили каждые двадцать минут. Мы перебрасывались схемами, правками и короткими репликами, и где-то между третьим и четвёртым звонком раздражение окончательно ушло. Осталась только общая задача. Это было даже приятно в каком-то странном, сугубо рабочем смысле.

В семь вечера я поняла, что в отделе осталась одна. Окна потемнели, за стёклами замелькали огни вечернего города. Уборщица провезла тележку мимо переговорной, покосилась на мой включённый монитор и ничего не сказала. Я потёрла глаза и закрыла очередной файл.

Телефон завибрировал. Сообщение от Адриана:

«Я сегодня не успею. Объект не отпускает. Узел завтра с утра? Или вы не работаете по выходным?»

Я набрала ответ:

«Работаю. Присылайте правки в почту».

Суббота прошла дома. Я убрала со стола всё лишнее, растелила распечатки, поставила рядом кружку чая — большую, чтобы не вставать лишний раз — и работала. Адриан был где-то на объекте с ветром и прорабом, а я — здесь, в тишине своей комнаты, где ничего не отвлекало. Мы не созванивались, только переписывались по делу: он скидывал фотографии узлов, я отвечала по существу.

К вечеру я закончила всё. Узел стал таким, каким должен был быть с самого начала — надёжным, логичным, без архитектурных излишеств, но при этом вполне функциональным. Я отправила файл, убрала кружку и пошла в гостиную. Села у окна с книгой, которую не открывала две недели. Впервые за эти дни в голове не крутился ни один расчёт.

Телефон ожил на подлокотнике рядом.

«Получил. Это идеально. Спасибо, Майя».

Я посмотрела на экран. Книга лежала раскрытой на той

же странице. Я убрала телефон и вернулась к чтению — хотя следующие несколько минут перечитывала один и тот же абзац, так и не поняв, о чём он.

В воскресенье вечером я сидела за столом у окна и читала. Снаружи моросил дождь — тихий, монотонный, который превращал огни фонарей в размытые пятна на мокром стекле.

Телефон лежал рядом. Я несколько раз ловила себя на том, что скошу на него взгляд — проверить, нет ли сообщения. Никакого сообщения не было. Я возвращалась к страницам.

Это было странно. Всю рабочую неделю он писал в любое время — вечером, ночью, в семь утра, когда находил очередную нестыковку в расчётах. Я уже привыкла к тому, что телефон может ожить в любой момент. А тут — тишина. Воскресенье, конечно. Видимо, даже Адриан Смит иногда позволял себе выходные.

Я встала, поставила чайник. Пока он закипал, стояла у окна и смотрела на улицу. По тротуару шла пара с зонтом — он держал зонт чуть выше, чтобы не задевать шляпу девушки. Он что-то говорил, она смеялась, придерживая воротник и шляпку. Чайник щёлкнул. Я налила чай, вернулась за стол.

Телефон завибрировал. Сообщение пришло в 22:17. Одна строчка: «Вы смотрели прогноз на следующей неделе? Там заморозки. Нам нужно пересмотреть график заливки».

Я посмотрела на экран. Потом на часы. Потом снова на экран. Моей первой реакцией было лёгкое раздражение — воскресенье, почти одиннадцать вечера, человек пишет про заморозки. Но под раздражением было что-то другое: странное, почти физическое ощущение, что напряжение этих двух часов ожидания — которого я не признавала даже себе — вдруг отпустило.

Я написала: *«Смотрела. Если температура опустится ниже нуля — стандартный протокол: обогрев опалубки, антиморозные добавки в раствор. Пришлите мне температурные данные с объекта за последние три недели — пересчитаю поправочные коэффициенты»*. Ответ пришёл через четыре минуты: *«Пришлю в понедельник утром. Спокойной ночи, Майя»*.

Я убрала телефон. Дождь за окном продолжался. Я допила чай, закрыла книгу и пошла спать.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.